

**Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тульский государственный университет»**

Интернет – институт

**КОНТРОЛЬНАЯ РАБОТА
ПО ДИСЦИПЛИНЕ «ФИЛОСОФИЯ»
НА ТЕМУ:
«Проблема происхождения философии»**

Выполнил: студент гр. ИБ262521–ф
Артемов Александр Евгеньевич
Проверил:
Соколова Светлана Николаевна

Тула 2023

Оглавление

1. Введение.....	3
2. Основная часть.....	4
3. Заключение.....	19
Список используемой литературы.....	20

1. Введение

Проблема начала философии – сосредоточие нескольких проблем, особенно концентрированно показывающее их действительное, но зачастую не проявленное единство, это точка, где все они выходят на свой предел. Чтобы узнать тот момент, где философия началась («уже» присутствует), необходимо понимать, кто она такая по своей сути, но и наоборот – философия знает, кто она, только когда помнит ради чего возникла и в этом смысле постоянно вновь и вновь воспроизводит свой исток. Между этими двумя полюсами мы оказываемся в силовом поле, которое заставляет нас понимать не философией, но саму философию – то есть не пользоваться профессиональными навыками, а спрашивать о феномене философствования. Философия есть способ актуально присутствовать в мысли (мыслью в бытии). Но что такое сама мысль? Как она возможна? И каким образом она может начаться? Как она случается впервые? Впервые – всегда уже в истории. В данном случае – в истории философии. Но что такое сама эта история? И если это – происхождение чего-либо как непрерывный процесс, то как можно вообще помыслить начало непрерывности? Как понимать происхождение мысли? Из чего? Кроме того, история – это то, что уже в прошлом. Но если мысль – это способ незаместимого присутствия в бытии, то как можно помыслить его прошлое? Либо мысль – держание предмета, знание о нем, и история мысли – прогресс знаний. Но тогда зачем помнить прошедшее, если его запас знаний по сравнению с нашим несовершенен? Начало философии, ее историческое «впервые» привязано к определенному времени и месту. Что это – причины или условия? И если философия была тогда и есть сейчас, то что общего между условиями того и этого времени?

Таким образом, главная проблема заключается в том, чтобы не только понять где, когда и как произошла философия, но и проанализировать концепции её происхождения и познакомиться с главными представителями данных концепций.

Актуальность данной темы, на наш взгляд, заключается в том, что во время анализа происхождения философии и изучения теорий и концепций прослеживается только формирование науки «философия», но не видно начало мысли как мысли.

Проблема происхождения философии – многогранная проблема. Она рассматривается и в философии, и в истории философии. По ней высказываются и классики (Гегель, Э. Гуссерль, К. Ясперс), и ученые-исследователи (к примеру, в отечественной истории философии –

А.Ф. Лосев, В.Ф. Асмус, Ф.Х. Кессиди, А.Н. Чанышев, В.В.Соколов, А.А. Богомолов, Т.И. Ойзерман).

Одним из источников по проблеме, следуя в хронологическом порядке, следует назвать следующие работы М.К. Петрова: «Проблемы детерминизма в древнегреческой философии классического периода» (1959), «Античная культура» (1966), «Социальные основы самосознания и научного творчества» (1967), «Язык, знак, культура» (1974–1975), «История европейской культурной традиции и ее проблемы в свете основных положений тезаурусной динамики» (1986), а также целый ряд статей, собранных в вышедшем в 1996 г. сборнике «Историко–философские исследования». Разные аспекты рассматриваемой проблемы представлены в работах В.С. Библера, Васильевой, Г.В. Драча, В.Н.Дубровина, А.Н. Ерыгина, С.С. Неретиной, В.С. Степина, Ю.Р. Тищенко.

В работе обратим внимание так же на два следующих пункта :

1) на общую методологию историко–философского исследования М.К. Петрова, в рамках которой были предложены новаторские идеи, позволяющие выделить особо взгляд ученого на проблему происхождения философии, в целом кажущийся едва ли не «сумасшедшей гипотезой», но содержащий и много ценнейших наблюдений по этому вопросу, имеющих самостоятельное значение;

2) на историко–типологической модели, лингвокультурологической по своей сути, позволяющей детерминистически объяснить феномен возникающей философии как уникального, но при этом универсального явления в составе мировой культуры.

2. Основная часть.

Проблема происхождения философии.

Философия возникла с перенесением основного внимания на человека в его отношении к миру, то есть на человека, познающего, преобразующего и творящего мир. С течением истории конкретное наполнение этой общей специфики философского предмета неоднократно обновлялось, наполнялось новыми смысловыми нюансами, но всегда в основе философского знания лежала установка на выяснение связи между человеком и миром, то есть на выяснение внутренних целей, причин и способов познания и преобразования мира человеком.

Философия – это, таким образом, не просто новая дисциплина, а еще и специфический тип мышления и даже своего рода философский эмоциональный настрой, система мировоззрения чувств.

Имеется ли внутреннее деление философской проблематики, в целом ориентированной на выявление отношений человека с миром? Еще в античности такое деление было намечено, хотя оно и не совпадает с современной структурой философского знания, и прежде всего потому, что античная философия включала в себя тот состав знания, который в последствии отошел к естественным наукам.

И все же, уже в античности говорилось об онтологии – учении о бытии и о гносеологии или эпистемологии – учении о познании, и о логике – учении о формах мышления.

Для того, чтобы иметь возможность говорить о происхождении философии, необходимо ответить на вопросы: из чего, как, когда, где и почему возникает философия? Ответы на них выявляют различные точки зрения. Вопрос о том, где возникла философия, – это вопрос о степени теоретичности древнеиндийской, древнекитайской, вообще древневосточной философии. Вопрос о том, когда возникла философия – не только о хронологии, но и о том, на какой ступени общественного развития становится возможной философия как новая форма общественного сознания и новый вид мировоззрения и на какой ступени эта возможность реализуется.

При ответе же на вопрос, из чего возникла философия, все концепции генезиса философии делятся на две группы. Возникают мифогенная и гносеогенная концепции генезиса философии.

Религиогенная, мифогенная, социальная, эклектическая, гносеогенная концепции.

Религиогенная концепция происхождения философии заключается в том, что философия не возникает как совершенно новое явления, но является по своей природе тем же, чем является и религия, различия только формальные. Если в религии это представления, то в философии это понятия. Согласно ей, проблематика и содержание первых философских систем было заимствовано из религии.

В ней дается трактовка природных явлений как явлений этических, в которых человек стремится распознать безличные нормы природы, обращаясь не к богам, а к разумным формам совместной жизни, зависящих от нравов этноса. Окружающая человека реальность всегда существует в определенных нормах, подчиняется определенным законам, поэтому поведение человека детерминируется разумным основанием.

Мифогенная концепция – её суть заключается в предположении о том, что философия является вершиной мифа.

Разберем эту концепцию подробнее. Изначально человек придумал вымыслы и легенды, которые по своей сути являются аффективным, эмоциональным способом постижения мира. Затем совершенно естественное развитие мифов породило отдельное направление, которое направленно на понимание бытия при помощи разума и логики. У этой концепции, раскрывающей происхождение философии, есть важное преимущество. Она учитывает тот факт, что изучение и понимание жизни невозможно лишь при помощи одной логики. Философия, как вершина мифа, – это не просто разумный способ познания, но и постижение бытия при помощи эмоциональной составляющей мышления личности. То есть, концепция признает, что мыслитель должен пользоваться не только логикой, но и всеми другими инструментами, которые есть в его распоряжении. В частности, имеется в виду индивидуальный чувственный опыт философа, а не просто теоретические рациональные схемы.

Социальная концепция – концепция М.К. Петрова, показывающая, как дом Одиссея послужил основой построения системы устройства греческого государства – полиса, и бросающая свет на чудо зарождения философии из особых социально–политических и экономических условий.

Эклектическая концепция – согласно ей философия возникает не как таковая, а как философский материализм и философский идеализм. Материализм – продолжение «линии знания», идеализм – продолжение

«линии веры». Эта концепция неверна в своем схематическом упрощении. Конечно, материализм и идеализм принципиально различны и противоположны, но исторически философия возникает как таковая, а ее поляризация на материализм и идеализм – достижение определенной, достаточно зрелой стадии. Для генезиса философии первостепенную роль играет изменение уровня мировоззрения. Распадение же философии по типам – явление вторичное.

Гносеологическая концепция. Концепция происхождения философии, исходящая из осмысления греками существования мира, Космоса, получила название гносеологической концепции. Ее суть:

1. Философия зарождается как натурфилософия, ее интересуют вопросы, касающиеся устройства мироздания, природы, космоса.
2. Философию более интересуют не вопросы о происхождении, а вопросы о существовании этого Космоса, о подчинении этого Космоса разумным нормам.
3. Поведение человека как микрокосмоса также строится на разумных началах.
4. Гносеологическая концепция подчеркивает различие мифа и Логоса.

Исторические формы мировоззрения, их взаимосвязь и различия.

Несмотря на то, что в процессе истории меняются государства, этнический состав, технологии, уровень знаний, мировоззренческие вопросы продолжают оставаться нерешенными, что и сегодня делает их современными. Всего в процессе известной истории принято выделять 3 основных исторических типа мировоззрения: мифологию, религию и философию.

Мифологическое мировоззрение представляет собой исторически первый тип мировоззрения или способ оформления мировоззренческих представлений и возникает на этапе становления человеческого общества. Это мировоззрение свойственно первобытно–общинному строю и раннеклассовому обществу. За этот период, длившийся десятки тысячелетий, мифология прошла в своем развитии ряд ступеней, породила множество форм, выражающих различные этапы становления и развития доклассового общества.

Мифология (от греч. *mythos* – предание, сказание и *logos* – слово, понятие, учение) – тип сознания, способ понимания мира, характерный для ранних стадий развития общества. Многие мифы посвящены происхождению и устройству космоса (космогонические и космологические мифы). Они заключают в себе попытки ответа на вопрос о начале, происхождении, устройстве окружающего мира, о возникновении наиболее важных для человека явлений природы, о мировой гармонии, безличной необходимости и др. Формирование мира понималось в мифологии как его творение или как постепенное развитие из первобытного бесформенного состояния, как упорядочение, то есть превращение из хаоса в космос, как созидание через преодоление разрушительных демонических сил. Существовали также мифы (их называют эсхатологическими), описывающие грядущую гибель мира, в ряде случаев – с последующим его возрождением. Миф, наиболее ранняя форма духовной культуры человечества, выражал мироощущение, мировосприятие, миропонимание людей той эпохи, в которую создавался. Он выступал как универсальная, нерасчлененная (синкретическая) форма сознания, объединяя в себе зачатки знаний, религиозных верований, политических взглядов, разных видов искусств, философии. Лишь впоследствии эти элементы получили самостоятельную жизнь и развитие. Характерной чертой мифологического мировоззрения является антропоморфизм, что проявляется в одухотворении явлений природы,

перенесении на них духовных и даже телесных свойств человека, а также в том, что способ их деятельности отождествляется с человеческой деятельностью. Важнейшей особенностью мифологического мировоззрения является отсутствие грани между чувственным образом действительности и самой реальностью, между божеством (как духовным началом и сущностью) и тем явлением природы, с которым оно ассоциировалось. Следующей важнейшей особенностью мифологии является генетизм, суть которого состояла в выяснении природы мира, происхождения рода, различных природных и социальных явлений. Любая человеческая общность объясняется не иначе как через происхождение от общего предка, а понимание природы вещей сводится к представлениям об их генетическом начале. Вся природа представлена в мифологии как огромная родовая община, населенная существами человеческого типа, находящимися в тех или иных родственных отношениях.

Вторым историческим типом мировоззрения была религия. Религиозное мировоззрение – это способ освоения действительности через ее удвоение на естественную, земную, посюстороннюю и сверхъестественную, небесную, потустороннюю. Религиозное мировоззрение отличается от мифологического по способу духовного освоения действительности. Мифологические образы и представления были многофункциональны: в них в еще не развитой форме переплеталось познавательное, художественное и оценочное освоение действительности, что создавало предпосылку для возникновения на их основе не только религии, но и различных видов литературы и искусства. Религиозные образы и представления выполняют лишь одну функцию – оценочно–регулятивную. Еще одной особенностью религиозных образов и представлений является то, что в них скрыта иррациональность, которая подлежит восприятию только верой, а не разумом. Центральное место в любом религиозном мировоззрении занимает всегда образ или идея Бога. Бог здесь рассматривается в качестве первоначала и первоосновы всего существующего. Причем это уже не генетическое первоначало, как в мифологии, а первоначало – созидующее, творящее, производящее. Для религии характерно признание примата духовного над телесным, чего нет в мифологии. Историческое значение религии состояло в том, что она и в рабовладельческом, и в феодальном обществах содействовала становлению и укреплению новых общественных отношений и формированию сильных централизованных государств.

Отделение умственного труда от физического, с одной стороны, мифология и накопление эмпирических знаний, с другой стороны, а также

стремление человека постигнуть свою собственную сущность способствовали возникновению общего целостного взгляда на мир и место человека в нем – философии. Термин «философия» в переводе с древнегреческого означает «любовь к мудрости» (phileo – люблю, sophia – мудрость). Принято считать, что первым данный термин употребил древнегреческий мыслитель Пифагор по отношению к людям, стремящимся к интеллектуальному знанию и правильному образу жизни. Зарождается принципиально иной тип мировоззрения, по-другому осмысливающий сложившиеся в мифологии и религии представления о мире и человеке и вырабатывающий при этом принципиально иные способы осмысления и решения мировоззренческих проблем. Особенностью философского мировоззрения стала абстрактно–понятийная, а не чувственно–образная, как в других типах мировоззрения, форма освоения действительности. Отличие философского мировоззрения от мифологического и религиозного не в форме, а в содержании освоения действительности. то есть вопросы примерно те же, способы получения ответов другие. В нем уже различаются природный и социальный мир, человеческий способ действий и проявление природных сил и явлений. Это становится возможным благодаря накоплению математических, физических и астрономических знаний, появлению календаря и распространению письменности. Если предшествующие исторические типы мировоззрения можно определить как переживание человеком реальности и своего бытия в ней, то философское мировоззрение есть размышление человека о существующем, основанное на рациональном аргументе и критическом сомнении. Также важнейшими признаками философского рассмотрения мира являются: универсализм (стремление к созданию единой и целостной картины мира) и субстанциализм (стремление к постижению единого первоначала, первопричины всех вещей).

Методология историко–философских исследований М.К. Петрова и проблема происхождения философии.

Ключевые теоретико–методологические новации М.К. Петрова в области истории философии, таковы:

1) ориентация на принципиальную, органическую связь истории философии с современностью, воспринимаемой и понимаемой в качестве эпохи научно–технической революции;

2) попытка создания в особой теоретической сфере в рамках истории философии своеобразной науки о философии;

3) рассмотрение античной, средневековой и новой философии в контексте трех форм европейского способа мысли, – собственно философии, христианской теологии и современной опытной науки (в рамках «матричной» и «дисциплинарной» моделей);

4) новаторское указание на генерализирующую роль категориального потенциала древнегреческого и английского языков в судьбах культуры, философии и конкретного познания в античности и Новое время;

5) «сумасшедшая» гипотеза о роли пиратов Эгейского моря в становлении «катастрофической» европейской формы социальности (мир «людей–государств») и классической полисной культуры с ее стержневой мыслительной основой в виде философии;

6) признание в этом строго сциентистском, «наукоедческом» по духу, проекте принципиальной роли христианской церкви и богословских споров в формировании теологии как дисциплины, а с учетом этого – взгляд на теологическое происхождение науки;

7) гипотеза о роли научно–технической революции XX века с рефлексией в виде «науки о науке» и «тихой революции» в лингвистике в переходе от европейского способа мысли (с логическим освоением порядка и стабильности) к его современной форме – с освоением процессов порождения и обновления как области действия специфической миграционной способности существования и познания.

Применяя и конкретизируя обозначенные общие идеи к интересующей нас проблеме, обозначим, прежде всего, следующий момент – создание М.К. Петровым в ходе историко–философских исследований своеобразной науки о философии. Это может быть уподоблено тому, что он стал одним из создателей и «зачинателей» современной отечественной науки о языке (тезаурусная динамика), науки о культуре (лингвокультурология) и науки о науке (философское науковедение). Здесь речь идет не об обычной для

философов и особенно историков философии рефлексии над самой философией, не о философской форме самосознания философии, но именно об изучении философии как предмета исследований строго научными средствами, разумеется, насколько это возможно, аналогично изучению науки средствами самой науки.

Но тогда, правда, едва ли уместен упрек С.С. Неретиной в отношении позиции М.К. Петрова или хотя бы ее истолкования по вопросу «о рождении философии», воспринимаемой в виде «не как свободного восхождения к мудрости свободного человека, а как одной из дисциплин номотетики». В любом случае, мы видим в этом пункте развитие тезиса о роли научно–технической революции для философии. Осмысливая же этот факт в современном контексте – (индустриализация, культурная революция, строительство образования и науки) – нельзя не увидеть «типологическую несовместимость традиционного (мифологического) и европейского (научно–философского) способов мысли». А это требует положить в основу понимания происхождения философии «идею европейской истории философии как явления специфического, вызванного к жизни специфическими же социальными причинами и не имеющего аналогов в других культурах» .

Еще один шаг – рассмотрение М.К. Петровым самой интеллектуальной европейской традиции, начиная с античной философии европейского способа мысли. Но речь не о том, что основания петровской трактовки рождения философии усматриваются, как это представляется С.С. Неретиной, в особенностях петровского восприятия средневековой философии; и не в том, как у Т.В. Васильевой, что приходится преимущественно апеллировать к эпохе новейшего времени. Речь, прежде всего, – об античной (греческой) философии с указанием М.К. Петрова на генерализирующую роль категориального потенциала древнегреческого языка в судьбе античной культуры. Исходная идея есть уже в диссертации 1959 года и ряде других неопубликованных работ ученого. Но уже в начале 70–х годов XX века увидела свет предельно значимая по своим последствиям для истории философии, истории познания и истории культуры статья «запретного» ученого «Язык и категориальные структуры», изданная профессором Е.Я. Режабеком в сборнике «Науковедение и история культуры». В ней М.К. Петров уже в относительно развернутой форме публично представил эти свои новации. Когда же В.С. Библер прочитал рукопись «Языка, знака, культуры», то он отметил: «Обратил бы особое внимание на последовательно осуществленную связку между определенными типами языков и

определенными формами социокультурной трансляции; связь античных форм трансляции с флективной структурой древнегреческого языка; замыкание схематизмов трансляции культуры Нового времени на аналитические структуры новоанглийского языка».

К идее о роли специфики древнегреческого языка в становлении философии в 1966 года была добавлена еще одна новация М.К. Петрова – его «сумасшедшая» гипотеза о роли пиратов Эгейского моря в становлении «катастрофического» варианта европейской формы социальности (мир «людей–государств»), нашедшего свое продолжение в специфике античного греческого полиса и всей античной культуры, включая ее стержневую мыслительную основу в виде философии. Новаторский характер этого подхода либо не замечается вообще, либо существенным образом искажается. Например, С.С. Неретина, противопоставив М.К. Петрова в вопросе о сущности и происхождении философии Платону и Аристотелю (хотя такое сопоставление имен само по себе говорит о многом!), заявляет, что она «против дисциплинарного происхождения философии как следствия номотетики и лингвистики», ибо «ее начало совпадает с началом истории и поэзии, которая у Петрова играет вторичную роль записи, свидетеля появления универсально–понятийного строя мысли».

Однако, взгляд М.К. Петрова на происхождение философии гораздо шире, чем «номотетическая» гипотеза. Так, в «Античной культуре» и в «Самосознании» он вполне обходится без этой гипотезы). Но, и предложив ее (уже в 70–е годы, в «Языке, знаке, культуре»), он утверждал: «Тот факт, что мы чисто умозрительным путем, отталкиваясь от генетических связей и все общей распространенности гражданского навыка, вышли к гипотезе дисциплинарного происхождения философии – теоретической номотетики, – сам по себе ничего, естественно, не доказывает. Но гипотеза все же дает ориентиры поиска свидетельств и критерии оценки свидетельств на доказательность». По сути, гипотеза эта надстраивается здесь над «определителями» судеб античной культуры, которые и без нее вполне объясняют ее детерминистический контекст: речь, во–первых, о «людях–государствах» – первом образе целостных личностей не в их элитной, но в относительно «массовой» форме представленности, как и первом выражении идеи о «человеко–размерности» в теоретических построениях М.К. Петрова, а во–вторых, о роли категориального потенциала языка (в его специфике и в факте его состоявшегося опредмечивания в мысли).

С другой стороны, Т.В. Васильева полагает, что М.К. Петров в «Античной культуре» «создает не просто культурологическую картину, он

формирует свой образ античности, как это делали в XX веке многие – Шпенглер и Майоль, В. Серов и Мандельштам, Орф и Хайдеггер, Пикассо и Бродский, Снелл и Корнфорд».

Наконец, до сих пор не проведено сравнение концепции «европейской культурной революции» М.К. Петрова, представленной в книге «Язык, знак, культура» (середина 70-х годов XX века) с концепцией «античного переворота» А.И. Зайцева 80-х годов. В 60-х годах М.К. Петров делал упор в объяснении перехода от традиционных цивилизаций к греческой классике на момент ее «отклонения от нормы» (в духе методологической концепции Т. Куна), но адекватное по смыслу выражение: «“греческое чудо“ – это культурная революция со всеми сопровождающими ее изменениями образа жизни, системы ценностей, мировоззренческой ориентации», уточняющее формулу «Языка, знака, культуры», поставлено им в центр «Пентеконтеры» – статьи, написанной (как явствует из перечня рукописей, хранящихся в фонде М.К. Петрова у Г.Д. Петровой) в 1978 году. Дело, однако, не только в терминологии, но в сути предложенной М.К. Петровым в середине 60-х годов концепции: вместо будущего агонального смысла «переворота» (в концепции А.И. Зайцева) он обращает внимание на вещи катастрофического порядка («пиратская» гипотеза, идея «эгейской» социальной и культурной «катастрофы»), давшие уникальный и неповторимый, громадный и ни с чем в истории несоизмеримый результат – европейскую культурную традицию.

Проблема происхождения философии в рамках идеи типологии культуры М.К. Петрова.

Согласно В.С. Библеру, «особую силу и эвристичность всей исторической и логической конструкции Петрова» придает следующее:

- 1) «сопоставление «лично–именного кодирования» и кодирования «профессионально–именного» (с закреплением профессий)»;
- 2) «понимание «мутации» традиционной культуры и традиционных форм трансляции знания (рождение античной культуры), через призму вполне реальной палубы пиратского корабля», так что «образ и понятие этой культуры автор нашел, изобрел и развил, на мой взгляд, абсолютно точно, адекватно и на века значимо»;
- 3) блестящий «анализ универсально–понятийного кодирования, характерного для нововременной культуры» и,
- 4) «исследование генезиса и основных стадий развития современных механизмов социокультурного кодирования и трансляции».

Вместе с тем сказанное, как и апелляция Библера к трехчленной типологической конструкции М.К. Петрова:

- а) лично–именной тип (охотничье, «первобытное» общество);
- б) профессионально–именной тип (традиционное земледельческое общество, «развивающееся» общество);
- в) универсально–понятийный тип (общество европейской культурной традиции)» – явление далеко неоднозначное и требующее специализированной проверки.

По большому счету, на пути становления культурологической концепции М.К. Петрова обнаруживается несколько основных отправных позиций его мысли о типах культуры. Это: формационная теория К. Маркса, лингвистические идеи первой половины XX века (и особенно идеи Н.Я. Марра), антропологическая концепция Л. Леви–Брюля, захваченная в психологическую матрицу «языка и мышления», философское обобщение аппарата и основных науковедческих идей (Д. Бернал, Д. Прайс, Дж. Нидам).

В работе «Человек и наука» М.К. Петров фиксирует значимость проблемы типа в языке и мышлении на психологических основаниях. В качестве ключевой фигуры он определяет В. Гумбольдта, от которого, собственно, и пошло движение и в этом русле. Посылы антропологических идей Л. Леви–Брюля о первобытном («пралогическом») и европейском (логическом) мышлении, во–первых, конкретизируются у М.К. Петрова различением в составе «архаической формации» мышления моделей «доолимпийской» и «олимпийской» культуры, а во–вторых, дополняются привлечением исследований Ф. Корнфорда и Дж. Томсона при характеристике генезиса и специфики «европейского способа мысли» в Древней Греции. Обращение к психологическим типам, как особым способам мышления, одновременно сосуществующим и дающим различные комплексы специфических форм, конструирует по–новому не только формационную типологию, где за каждым местом и временем закреплён особый способ производства, определяющий всю систему жизнедеятельности и жизнеобеспечения, но также лингвистическую и философско–антропологическую парадигму типологии мышления, где каждый психологический тип, обусловленный языком, есть лишь «этап в развитии мысли».

Закрепляясь на почве науковедения, М.К. Петров приступает к конституированию типологии культуры, «заручаясь» общепринятой в советской науке «истматовской» терминологией, правда, наполненной новыми смыслами. На этом пути М.К. Петров находит, прежде всего, два

типа комплексов мышления, обусловленных социальной спецификой – донаучный (стабильный) и научный (нестабильный).

Теперь попытаемся представить трехчленную схему типологии культуры М.К. Петрова через призму двух обнаруженных нами у него уровней понимания «типа» в описаниях и характеристиках культуры.

Первый уровень представления типологии культуры связан с использованием М.К. Петровым не одной (той, которую традиционно считают «петровской»), а фактически нескольких, существенно различающихся типологий.

Второй уровень, напротив, имеет в виду как раз саму эту трафаретную схему, но с использованием у М.К. Петрова самой разнообразной терминологии, не только собственно «типологической», но и включающей самое неожиданное словоупотребление («ритуал», «ключ», «формация», «бассейн», «регион» – вместо «типа»).

Для достижения указанных целей обратимся, прежде всего, к «Социальным основам самосознания и научного творчества».

1. Исходя из структуры произведения, сразу же обнаруживаем первичную или базисную тройственную схему представляемого материала: «архаическая формация», «вторичная формация» и «научно–техническая революция», которое терминологически напоминают о формационной теории К. Маркса. Но посмотрим, есть ли здесь что–либо от «классической» петровской типологии?

Видим, что «лично–именной» и «профессионально–именной» типы здесь отсутствуют в качестве самостоятельных, хотя «архаическая формация» представлена двумя культурами – до–олимпийской и олимпийской, которые вполне соответствуют лично–именному и профессионально–именному типам. Во–вторых, «универсально–понятийный» тип здесь хотя и не назван, однако не только представлен, но и выражен аж двумя самостоятельными периодами или типами истории и культуры («вторичная формация» и «научно–техническая революция»).

Иными словами, общая конфигурация культуры в ее исторической представленности существенно иная: два типа «превратились» в одну формацию, а третий разделился на два самостоятельных образования.

2. Еще раз возвращаемся к «Самосознанию...» и находим еще одну тройственную типологию. «Если принять – пишет М.К. Петров – ситуативный тип технологии как обязательный для доземледельческого этапа, то три основных типа распределения практических отношений к миру по членам общества предстанут исторической последовательностью, в

которой ситуативный тип предшествует личному, а личный автоматическому». Итак, новая триада различает ситуативный, личный и автоматический типы, а значит не совпадает ни с предыдущей, ни с трафаретными типологиями.

Теперь только «автоматический тип» и «научно–техническая революция» легко находят друг друга. Но зато ни «ситуативный», ни «личный» типы таких прямых автономных сопоставимых аналогов не имеют. Действительно, первый явно меньше, чем «архаическая формация» (он соответствует только «доолимпийской культуре» в ее составе), второй, напротив, очень широк и охватывает как «олимпийские культуры» архаики, так и всю «вторичную формацию» (более того, и весь период феодализма и раннего капитализма, выражаясь языком К. Маркса).

Если же брать классическую (трафаретную) триадическую схему, то, наоборот (в сравнении с предыдущим сопоставлением) «лично–именной» и «ситуативный» как раз совпадают в обеих триадах, тогда как два других резко расходятся между собою: с «личным» типом новой триады совпадают не только «профессионально–именной» (полностью), но и «универсально понятийный» (на этапе до превращения науки в «непосредственную производительную силу» общества); «автоматическому» же типу нет прямого аналога вообще.

Оказывается, и здесь не все так просто. Таким образом, архаическая формация есть архаический тип, «в рамках культур» которого «складываются первые формы самосознания, нагруженные социальными функциями сохранения и обновления ритуала», но среди них нет философии. Она – в этом рассмотрении – появляется только во вторичной формации (или, говоря проще, в античности).

Как же все это оценить? И почему слово «тип» используется для обозначения разных систем и не закрепляется за какой–то одной? Это положение дел, на наш взгляд, свидетельствует о той начальной интеллектуальной ситуации, которая для М.К. Петрова стала живой лабораторией мысли и творческого поиска. Практически отказавшись от марксистской «символики», он еще сохраняет «формацию», но все же легко отказывается от нее в пользу «типа», который в свою очередь использует весьма активно. Это не «небрежность» автора. М.К. Петров активно ищет и подбирает термины для утверждения своей «сумасшедшей гипотезы» и в отношении античной культуры, и в отношении рождающейся с нею и в ней философии.

Перейдем к рассмотрению второго уровня. Если в первом случае мы натолкнулись на разные типы, в целом подобных образований обозначенных и прописанных в исторической действительности (во всяком случае при любом делении на два или три типа обнаруживаются продуманные и отслеженные составные части), то здесь важно показать при сохранении всего устоявшегося новое дыхание – один и тот же принцип типологизации, классификации, распределения по группам, видам, частям и др., сохраняя главное содержание наполнить, новым звучанием, применив для этого новые термины.

Лаборатория работает и здесь. М.К. Петров пробует применить вместо слова «тип» слово «формация» и другие термины. Видимо, ни первое, ни второе не отвечает его запросам – одно слишком широкое, «вместимое», а другое, наоборот узкое, привязанное к материальной, производственной специфике. Появляется «цивилизация». Но употребление понятия «цивилизация» в типологическом измерении оказывается не совсем удобным, так как теряется его актуальность при акцентации первой исторической стоянки – доцивилизационного, архаического общества.

Далее – непростое понятие «ключ», которое имеет разные значения, прежде всего «выделение ключа культуры и отношения человека к этому ключу является, по нашему мнению, основным содержанием анализа культуры». Ключ также представляется как «знак – индивидуальный адрес, имя», он – значимая составляющая ритуала, но он же и атрибут самостоятельных единиц: «именной ключ», «олимпийский именной ключ», «профессионально–именной ключ», «ситуативно–именной ключ», «доолимпийский стабильный ключ», «мост между Олимпом и новым ключом культуры положен в области слова, в области логики», и даже «целостная личность – ключ и творец социальности нового типа». Еще один вариант – «ритуал», который, несмотря на свою «занятость» и специфическую принадлежность, тоже участвует в «состязании»: «Ритуал, связь целостности как таковая, выглядит отношением естественным и универсальным, которое представлено в нашем сознании универсальной категорией», однако ничто не мешает ему быть «европейским ритуалом», «естественным олимпийским ритуалом с государством», «пилосским ритуалом», «доолимпийским ритуалом».

Наконец, еще одним, правда, весьма скромным претендентом на место «типа» может быть «очаг» культуры. В «Самосознании...» он звучит всего несколько раз: «европейский очаг культуры», «национальные очаги» и «второй очаг отклонений».

Таким образом, подводя общий итог, можно сказать следующее. М.К. Петров представил уникальную динамику научного исследования в виде творческой лаборатории мысли. В результате ее работы уникальная типологическая теория смогла выкристаллизоваться, пройдя все необходимые этапы сбора, селекции, дренажа и терминологических штудий. Но эта работа, охватывающая все сферы, аспекты и пласты одной, правильно сформулированной проблемы осуществлялась не культурологом и не философом, не науковедом и не лингвистом, а Ученым–универсалом. Философом в век науки, но все–таки философом, который и предлагает в рамках своей историко–культурной типологии, формировавшейся в радикальной стихии творческой мысли, «сумасшедшее» объяснение и самой философии – ее специфики и происхождения.

3. Заключение.

Все вышеперечисленные исторические формы мировоззрения в определенных формах сохранились до наших дней и продолжают присутствовать (изменившись) в художественной литературе, обычаях и традициях, менталитете того или иного народа, искусстве, науке, обыденных представлениях, что в свою очередь ставит вопрос о прогрессивном развитии человеческой культуры и о том, действительно ли изменяются самые общие, базовые, фундаментальные ценности человека и человечества?

История философии – не беспорядочное, случайное движение мысли, а закономерное, линейное, поступательное развитие, то есть прогресс, можно сказать, эдакое «приращение осознанности». Наука требует однородности этого процесса, то есть непреложным образом должна прослеживаться связь, преемственность между стадиями и этапами. Ведь объяснить можно только тогда, когда всякое новое является результатом закономерного развития старого, иначе история философии непостижима и вообще перестает быть собственно историей. В историческом развитии мысли, таким образом, недопустимы провалы и разрывы, а возможны только «белые пятна», то есть те «места», связь которых с предшествующими не прояснена пока еще историком философии и в этом смысле является «творческой задачей». Пометим еще раз, что преемственность эта прогрессирующего свойства, поскольку она проявляет закон диалектического развития (преодоление старого как его «снятие», обеспечивающее постепенное движение вперед). Если этот прогрессизм приложить к конкретному историческому материалу, мы получим то, чем наполнены практически все учебники по истории философии, то есть многочисленные «измы» (всяческие школы и традиции), а также фразы, ставшие общими местами типа: «Маркс развил односторонне высказанную мысль Гегеля...», – в результате чего мысли всех предшествующих философов выглядят как недомысли, причем чем древнее, тем примитивней. В лучшем случае философа признают «гениальным, для своего времени», то есть «наивным для нашего» (иными словами, несостоятельным). И это – неизбежная оборотная сторона требования прогресса.

Предмет классически понимаемой истории философии – мысль, но мысль в специфическом ракурсе. Это – идея как рационально познаваемый и объективно установленный момент движения, фрагмент исторической действительности, то есть исторический факт. Ибо факт – изобретение классической науки – и представляет собой «атом» объективного знания,

полученный трансцендентальным субъектом. Факт всегда абсолютно завершен и положен во вне. Это – явление, которое универсально (наблюдаемо всеми), необходимо (в смысле закономерно), то есть описуемо в однородном пространстве непрерывного опыта. Определение «исторический» накладывает на понятие факта некоторую специфику, отличающую его от факта естественных наук, поскольку в нем особенно выпукло выступает конструктивный момент (который в естественных науках иногда теряется из виду). Мало того, что элемент социального опыта всегда конструкт хотя бы потому, что является вещью чувственно–сверхчувственной и другим способом не может предстать в качестве предмета познания, но к тому же исторический момент – это еще и момент абсолютного прошлого, которого больше нет в наличии (чистая длительность необратима, в ней нет оснований для возвращения чего бы то ни было, а поэтому вещи, помещенные в нее, имеют только одно свойство – постепенной, но полной энтропии), а потому он не просто конструкт, но и реконструкция.

При классическом подходе любая мысль прошлого становится фактом – она «снята», мертва, она по сути – вещь. Она более не имеет права на изменение – она мертва и потому поддается классификации, объяснению. Ее можно выводить из условий, можно объяснять причинами. Теперь историк философии может сказать, что появление такого-то философа было в тот момент необходимо и закономерен и мысль его была вызвана рядом объективных причин и так далее и тому подобное.

Список используемой литературы.

1. Проблема происхождения философии. Исторические формы мировоззрения, их взаимосвязь и различия. – Текст : электронный // Myfilology.ru – информационный филологический ресурс : [сайт]. – URL: <https://myfilology.ru//174/problema-proisxozhdeniya-filosofii-istoricheskie-formy-mirovozzreniya-ix-vzaimosvyaz-i-razlichiya/>.
2. Научные ведомости. Серия философия. Социология. Право. 2016. № 17 (238). Выпуск 37.
3. Петров М.К. Самосознание и научное творчество. Ростов–на–Дону: Изд–во Рост. ун–та, 1992.
4. Петров М.К. Пираты Эгейского моря и личность // Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность. М.: РОССПЭН, 1995.
5. Библер В. С. Целостность античной культуры // Культурологические штудии. Голос античности в современной культуре. М., 1996.